

Иннокентий Жуйков

На пороге

18+

Иннокентий Жуйков

На пороге

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жуйков И. С.

На пороге / И. С. Жуйков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Дорогой читатель! Книга состоит из трех частей. Первая - о комсомольцах, о тех, кто свято верил в светлое будущее и пытался его приблизить. Вторая - о юноше, которому судьба сулила все: почет, славу, благосостояние. Но он выбрал Афганистан. Та война многим выжившим в ней сломала судьбы. В том числе и герою моего повествования. И последняя часть книги о людях, шагающих из прошлого века в новое тысячелетие. Автор попытался показать свое видение пережитого.

ЧП на режимном объекте

На проходной предприятия военизированная охрана задержала прибориста Нетунаева Владислава Григорьевича, двадцатидвухлетнего парня, выносящего коробочку с проводками, резисторами, транзисторами – мелочью, цену которой знают только радиолюбители. В комендатуре был составлен акт о хищении, а поскольку задержанный оказался комсомольцем, то поступок разбирался на комсомольском собрании.

Председатель собрания, маленькая, угловатая девушка, зачитала поступивший из комендатуры документ и пригласила Нетунаева для объяснения поступка на сцену. Парень поднялся, но на сцену не пошел.

– Я отсюда.

– Все, кого мы обсуждаем, выходят на сцену.

– А я не пойду.

Председательствующая переглянулась с членами президиума собрания и продолжила:

– Ну, хорошо. Так что же тебя заставило украсть радиодетали?

Маленькие белесые глаза парня заморгали, худая жилистая шея напряглась, длинные руки вцепились в спинку впереди стоящего кресла.

– Я не крал! Я взял! Я не крал! – придушенным, вздрагивающим голосом выкрикнул он.

– Где же это у нас радиодетали валяются? Подскажи. Может, кто еще сходит, коробочку наберет, – едко спросила председательствующая.

– Места надо знать!

– От многого немножко – не воровство, а дележка, – съехидничали из разных мест зала.

– Я не к-к-крал! Сходите, посмотрите в мусорных контейнерах за корпусом! – глотая слезы, заикаясь, прохрипел парень и стремительно пошел, почти побежал к выходу.

– Нетунаев, вернись! Вернись, Нетунаев! – Взывала председательствующая.

Нетунаев не вернулся. Собрание пришлось прервать.

Утром за корпусом в контейнерах для мусора комсомольцы действительно нашли груды совершенно новых радиодеталей, некоторые из них были чем-то порублены и помяты, здесь же валом лежали обломки радиоламп и ламп специального назначения. Чуть дальше, в куче мусора нашли бухты дорогостоящей, изрубленной на механических ножницах титановой проволоки, здесь же валялись новые электродвигатели с разбитыми кувалдой крышками подшипниковых узлов, насосы для перекачки масла.

– Об-б-братите внимание, это б-б-были генераторные лампы, – подняв цоколь с болтающимися дорогостоящими проводками, сказал Нетунаев. – Каждая из них стоила сотни рублей.

– ... Я же не для себя, в дом п-п-пионеров нес, радиокружок там веду, – все еще переживая, продолжал оправдываться Нетунаев. Редкие ресницы его виновато моргали.

– Ребята, да за это ж давить надо! Пошли к Бакулеву! – Взорвался бригадир токарей, высокий широкоплечий парень Георгий Веселов.

– Может, это и угробили-то по его приказу! – произнес кто-то.

– Мужики, бросьте вы это дело! Скоро списки на квартальную премию составлять будут. Поорете – карманы тоньше будут, – сказал Сергей Васильев, молодой технолог пресового участка. – В стране везде бардак. От того, что вы к Бакулеву сбегаете, лучше не будет.

Кабинет начальника цеха окнами выходил на забор, за которым метрах в тридцати начинался старинный пруд, основанный еще наследниками заводчика Демидова, – единственное, что осталось в большом светлом городе от тех давних времен. Генрих Иванович с Никитой Павловичем, мастером по подготовке производства, завхозом, как его называли в цехе, стояли у окна и, пуская дым от сигарет в открытую форточку, наблюдали, как волны слизывали с берега какой-то мусор, щепки. Никита Павлович по совместительству являлся партгором цеха, и разговор шел о работниках цеха, которых по разнарядке парткома завода предстояло отпра-

вить на уборку картофеля. Осень была дождливая, картофель на полях гнил, и по решению Обкома КПСС горожане были обязаны помочь колхозам.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вплыла личный секретарь начальника, женщина упитанная и гладкая, а вслед за ней ввалился десяток молодых рабочих.

– К вам, – произнесла секретарь и выскользнула из кабинета.

Генрих Иванович, наклонив голову, исподлобья, обвел взглядом собравшихся, скользнул по грубым рабочим ботинкам, по вздувшимся коленям спецовок и, наконец, глаза его уперлись в тельняшку парня, стоящего впереди остальных.

– В чем дело, Веселов? – сухо и резко спросил он.

– Кто и по чьему приказу выбросил на свалку вот это? – Парень шагнул к столу, разжал кулак и выложил на стол горсть такой же мелочи, за которую был задержан Нетунаев.

– Это все списанное, оно нам не нужно.

– А электродвигатели, а генераторные лампы, а металл? – бесцветно, казалось, безучастно, спросил Веселов, но в голосе его было что-то такое, отчего Бакулев поднял глаза, на какой-то миг встретился с холодным прищуром бригадира, сел в кресло. Подвинул лежащую на столе пачку сигарет в сторону вошедших.

– Кто курит, закуривайте. В моем кабинете курят. И садитесь. Георгий Алексеевич, посади ребят.

Рабочие уселись на стулья, расставленные вдоль стен кабинета.

– Понимаете, мужики, на заводе скопилось много морально устаревшего оборудования, материалов, запчастей, – заговорил начальник цеха. – Продать это через Главк сложно, практически невозможно. Отдать просто так на сторону нам тоже никто не позволит: ни министерство, ни режимники: они бдят, с завода без пропуска ничего не вывезешь и не вынесешь. Вы в этом убедились. Кстати, с Нетунаевым еще не все решено: первый отдел настаивает, чтобы он был уволен с завода. Я пока возражаю: работник неплохой, да и нес не себе, а в Дом пионеров. Это уже точно установлено.

– Генрих Иванович, во вчерашней городской газете «Ленинский путь» написано, что для наших земляков в новый совхоз на целинные земли собрано...

Георгий достал из кармана газету и начал зачитывать:

– ...«От пром комбината – две конных тележки, точило и пять тысяч кирпичей; артель «Производственник» выделила пять тумбочек, десять табуреток, двадцать килограммов гвоздей и тридцать малярных кистей». Об этом с гордостью газета объявляет на весь город! А мы здесь, за забором, исправные электродвигатели кувалдой разбиваем!

– Бухты проводов на ножницах рубим и как цвет мет сдаем, – поддержал бригадира электрик Азат Галиахметов, маленький щупленький татарин. – Непрабельно это. Нельзя так жить! Это вывело Бакулева из себя.

– Ну, не тебе указывать, что правильно и что неправильно! В общем, так, ребята: время рабочее, марш все по местам! Как жить – без вас разберемся! А кому не нравится в моем цехе – пожалуйста, пишите заявление на увольнение. На каждое ваше рабочее место за воротами по десятку желающих. Держать не буду!

Веселов поднялся, внимательно посмотрел на начальника цеха и пошел к выходу. За ним, сгрудившись, стали выходить остальные.

– Учить, как жить, вздумали! Умники! Никита Павлович, ты вел разговор о рабочих на картошку – вот этих и забирай. Составь список, приказ я подпишу.

Секретарь партбюро в знак согласия кивнул.

Генрих Иванович закурил и снова подошел к окну.

Предприятие полностью работало на министерство обороны, и страна старалась удовлетворить все заявки завода на материалы и оборудование. Требовалось только одно: безусловное выполнение плана по количеству и качеству изделий. Иногда во время полигонных испы-

таний выявлялись недостатки изделий, проводились новые доработки, на что-то проводились и новые научно-конструкторские работы, новые испытания. На все это требовались дополнительные людские резервы и дополнительные материально-технические ресурсы. Поэтому годовые заявки на материалы и оборудование рассчитать было трудно: цеха, ориентируясь на план, в основном придерживались заявок прошлого года. Отдел снабжения, объединив заявки цехов и несколько сократив их, заявлял о годовых потребностях завода в Москву. Москва принимала меры, чтобы завод ни в чем не нуждался.

Но планы на изделия в течение года могли меняться, иногда в меньшую сторону. Внедрялись заводские изобретения и рационализаторские предложения, удешевляющие технологию. В результате на заводских складах скопилось годами не востребованных материалов на миллионы рублей.

ЦК КПСС на июньском пленуме принял решение «о рачительном отношении к народному добру». В соответствии с этим, по указанию председателя Совета министров СССР, министерства разослали по предприятиям приказы по наведению надлежащего учета и бережному расходованию материально-технических ресурсов.

И директор завода собрал совещание. Замдиректора по снабжению, доложив о количестве скопившихся неликвидов на складах, перечислил цеха, по чьим заявкам их было больше всего. Директор потребовал объяснений персонально от каждого из присутствующих начальников цехов.

Больше всего претензий было к Генриху Ивановичу. Заместитель директора по снабжению, достав из папки заявку цеха, зачитывал одну за другой отчеркнутые красным карандашом строчки: «...Вентиль 10x18 нтл – заявлено 240, выбрано 83; генераторные лампы – заявлено 363, выбрано 15; проволока титановая диаметром 6 миллиметров – заявлено 300 килограммов, выбрано 46». Отчеркнутые строчки заявки зачитывались и зачитывались. Бакулев, стоя с покрасневшим от напряжения лицом, пытался объяснить, что вентили заказывались для расширения гальванического участка, но расширение его в связи с сокращением заказа посчитали нецелесообразным. Сталь угловая, швеллеры – заказывались для реконструкции корпуса, но монтажники изготовили колонны из своего металла. Металл остался. Генераторные лампы получили устаревшей модификации. Они не подошли.

– А кто их заказывал – устаревшей модификации? Под заявкой ваша подпись, уважаемый! – потрясая бумагами, возглашал снабженец.

Директор внимательно, словно заново изучая, смотрел то на начальника цеха, то на своего зама по снабжению. Прервав препирательство, посадил обоих на место, обвел взглядом всех сидящих в кабинете и тяжело придавил кулаком стол.

– Цехам и службам все необходимое для производства с центрального склада вывезти в цеха. В цехах навести порядок по учету и хранению. И чтобы никаких сверх лимитов! Вам, Григорий Николаевич, – обратился он к своему заместителю, – составить докладную в Главк на все невостребованное и принять меры к реализации. Ответственность всех присутствующих – личная. Срок – месяц. Все свободны.

Не докурив сигарету, Генрих Иванович выбросил ее в приоткрытую форточку и повернулся к завхозу:

– Никита Павлович, я тебя еще раз прошу: лично проверь, чтобы в кладовых было только то, что соответствует заявкам и требованиям. Из заначек все списать. Что можно – сдать в металлолом, остальное – сбросить в траншею за корпусом. Водопроводные трубы строители там уже проложили, наполовину траншея засыпана. Договорись с прорабом, закажи за счет цеха бульдозер, и траншею вместе со всем, что цеху не нужно, сровнять с землей. Сделать это надо срочно. Мне звонил главбух из заводоуправления, Кротов Петр Николаевич, и по секрету сообщил, что директор создал серьезную комиссию из главных специалистов, снабженцев,

бухгалтеров, комиссия будет ходить по цехам, предупредил, что, возможно, вскоре с ревизией нагрянут и к нам. Чтобы у нас все было чистенько!

– А этих, – Генрих Иванович кивнул головой на дверь, – которые нас «прабельно» жить учат, всех в колхоз! Пусть головы под дождичком остудят. И мозги проветрят.

– Может, все-таки их еще раз собрать, побеседовать, объяснить по-хорошему. Чтобы зла в душе не держали.

– Что ты им будешь объяснять, что? Что заявки составляли под копирку с прошлогодних заявок, а потом годное и негодное списывали и прятали в зачатки – авось сгодится? Кто нас поймет? Иди. Бульдозер на завтра закажи. И с прорабом договорись.

– Все сделаю, Генрих Иванович, – мастер по подготовке производства, секретарь партбюро цеха по совместительству вышел. Бакулев долго еще стоял у окна и задумчиво глядел, как на волнах старого пруда колыхался у берега какой-то мусор: отмершие водоросли, остатки деревянных ящиков, щепки. Все это в ветреную погоду выносилось водою на берег. Берег был завален мусором.

А комсомольцы после смены собрались в красном уголке: предстояло решить, как все-таки наказать «несуна» Диму Нетунаева. Сам он на собрание не явился. Отсутствовало и больше половины состава комсомольской организации цеха: все знали, о чем будет речь, и кто-то посчитал вопрос мелочным, кому-то нужно было домой, кто-то спешил в детсад за ребенком. Но явились все, кто был в кабинете начальника цеха, и весь актив: члены бюро комсомольской организации и комсорги отделений. Веселов рассказал, что нашлось в мусорных баках, о несостоявшемся разговоре с начальником цеха, комсорги рассказали о зачатках на своих участках, о том, как топором рубились списанные, не числящиеся в кладовых новые резиновые сапоги и кирзовые рабочие ботинки, рубился на куски залежавшийся медный, в свинцовой оболочке кабель. Вспомнили решения по экономному и рациональному использованию материальных ресурсов, призывы к развертыванию массового движения трудящихся за всемерную экономию, это должно стать неотъемлемой чертой современного экономического мышления. И решили написать о делах в цехе в Москву.

– В «Правду» надо писать, в «Правду!» – горячился Азат Галиахметов.

Письмо было написано, подписано всеми присутствующими и этим же вечером отправлено в Москву.

На следующий день в цехе был вывешен приказ: двенадцать молодых работников цеха, перечисленные поименно, командировались в колхоз «Заветы Ильича» на уборку картофеля. За дни работы в колхозе полностью сохранялся среднемесячный заработок и кому положено – льготы. Старшим группы назначался технолог кузнечного участка Васильев Сергей Павлович. На него же возлагалась ответственность за технику безопасности при работе в колхозе. Всем отъезжающим выдали под роспись по два комплекта выстиранных рабочих спецовок, сапоги, новые байковые портянки, по три пары резиновых перчаток, телогрейки. Кроме этого выдали по матерчатому матрасу, наволочке, простыни, шерстяному одеялу. Каждый сложил все это добро в полиэтиленовый мешок, сверху – бумажку со своей фамилией.

В группу были зачислены две молодые женщины: кладовщица и рабочая гальваники. Они получили помимо спецодежды под роспись на всю группу три кастрюли, пятилитровый термос под чай, три больших сковороды, двенадцать эмалированных кружек, ножи, ложки, вилки и новую десятилитровую алюминиевую канистру – под колхозное молоко. Опытные женщины, не раз ездившие в колхоз, получили в кладовой еще ведро и кусок мешковины для уборки помещения.

Васильев пошел заказывать пропуска и машину для вывоза мешков с территории завода, рабочих отпустили по домам – переодеться, предупредить домашних и отоварить талон на банку свиной тушенки. Талон каждому вручили вместе со спецодеждой. После обеда, в два часа дня, все должны будут собраться у Дворца спорта: туда будет подан автобус.

Ехали по бездорожью, автобус мотало из стороны в сторону, дважды он застревал в грязи, приходилось выходить и подталкивать его, помогая шоферу выбраться из колеи.

Рабочих встретил сам председатель колхоза – молодой человек лет тридцати пяти, в кожаной, на меху, куртке. Назвался Михаилом Михайловичем. От здания правления колхоза он ехал в автобусе, показывая шоферу дорогу. Остановились у бывшей столовой Рай по. Районное потребительское общество развалилось, столовая была заброшена, и колхоз приспособил ее для приезжих: в обеденном зале были сооружены двадцать деревянных топчанов для ночлега, плита отремонтирована, возле нее сколочен стол из пятиметровых гладко обструганных досок, с обеих сторон стола стояли длинные деревянные лавки.

– Вот все, чем мы богаты, – смущенно произнес председатель. Пройдя к выключателям, включил одну за другой две электро лампочки: одну над топчанами, другую над плитой на кухне.

– Холодильник работает. Вода в колодце, колодец исправный. Дрова завезены – в сарайке. Правда, чурки не расколоты. Топор там же, у чурок. «Удобства» на улице. Над сарайчиком, на сеновале приготовлено свежее сено для матрасов и подушек. Завтра нарежем телянку, пусть кто-то придет к скотному двору – получит мясо: я подписал требование на тридцать шесть килограммов – по три килограмма на человека. Молоко на ферме можете брать по потребности. Приходите только пораньше, к утренней дойке. Картофель, морковь, свекла – на поле, наберете, сколь надо. Луку нет. Не уродился. Располагайтесь. Утром придет бригадир, уведет на поле. Вроде и все. Я живу неподалеку, если что, ваш старший найдет меня. Располагайтесь, – еще раз сказал председатель колхоза и вышел.

Женщины пошли в угол, заняли два топчана рядом, из мешка достали молоток, два больших гвоздя, отрез черной ткани и шнур.

– Кто поможет дамам ширму повесить?

К женщинам подошли сразу несколько мужчин:

– А как дамы рассчитывать будут? Лишний черпак каши плеснете?

– За нами не пропадет: рассчитаемся. Пошли на сеновал! – засмеялась белокурая кладовщица.

Гвозди были забиты, ширма, отгораживающая два топчана от общего зала, повешена. Толпой пошли к сеновалу – набивать подушки и матрасы сеном.

Рядом с Веселовым на топчанах устроился с одной стороны Сергей Васильев, с другой – Азат Галиахметов.

После того как места для ночлега были обустроены, Георгий наколот дров и охапку их принес к печке. Женщины к этому времени почистили и помыли плиту, поставили на нее в кастрюле воду для макарон. Затопили печь.

Васильев предложил все привезенные из города продукты объединить и питаться из одного котла. Возражений не было.

Из привезенных рюкзаков и сумок выложили на чисто вымытый и протертый до суха стол все, что было съестного: буханки хлеба, сахарный песок и кусковой сахар, соль, круги колбасы, банки тушенки, пакеты с крупой и макаронами, пачки с чаем и печеньем. Сюда же выставили все спиртное. Водку привезли не все, но Вадим Петрович, сын главбуха завода, достал из своей сумки целых три пол-литровых бутылки. Всего таких бутылок набралось восемь штук. Женщины, которым поручили кашеварить, все продукты рассортировали, часть убрали в холодильник, а четыре бутылки водки, хлеб, порезанную колбасу оставили на столе. Вскоре сварились брошенные в кипящую воду макароны, воду слили, добавили четыре банки тушенки и через несколько минут макароны «по-флотски» были готовы.

Разлили по кружкам водку, встал с поднятой кружкой Васильев и заговорил:

–Товарищи! Партия и правительство делают все, чтобы народу жилось лучше. И на переднем крае борьбы за достойную жизнь мы, молодежь. Комсомолы едут работать в

Сибирь, осваивают целину. Нам выпала честь помочь колхозу в уборке картофеля. Выпьем за то, чтобы достойно выполнить порученное нам дело!

– Какой базар, все сделаем! Выпьем! – не дожидаясь конца речи начальника, вскочил Вадим и начал чокаться кружкой с соседом. Выпили. В такой компании макароны с тушенкой показались удивительно вкусными, женщины подкладывали тем, у кого чашки пустели.

– «Забота у нас простая,
Забота наша такая -
Жила бы страна родная,
И нету других забот», – запел Сергей.

Песню подхватили:

– «И в снег, и в ветер,
И звезд ночной полет,
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет»...

– Серега, давай допьем, что осталось! Люба, доставай из холодильника, что там еще есть! – скомандовал Вадим. Женщина вопросительно посмотрела на Васильева:

– Как, Сергей Павлович?

– Доставай, – послышалось с разных концов стола.

– Одну бутылку оставь. На всякий случай: вдруг кто-то простудится или еще что, – распорядился старший.

Под закуску из колбасы и макарон допили еще три бутылки водки. Возбужденные, долго не расходились из-за стола. Спели еще одну песню:

– «Седина в проводах от инея,
ЛЭП-500 не простая линия,
И ведем мы ее с ребятами
По таежным дебрям глухим»...

И в этот момент каждый сидящий за столом готов был ехать рубить таежные просеки, зимовать в передвижных вагончиках ради того, чтобы где-то зажегся «глазок вольфрамовый».

Женщины убрали и перемыли посуду и пошли в свой угол – устраиваться спать. Постепенно все разошлись по своим топчанам.

Улеглись на набитые сеном матрасы и Веселов, и Азат Галиахметов, и Сергей Васильев. Выключили свет.

– Жора, как думаешь, наше поколение доживет до коммунизма? Сможем мы перевоспитаться? Ну, через творческие бригады, через школы коммунистического труда, – спросил Васильев соседа.

Веселов лежал на спине, подложив сцепленные пальцы ладоней под затылок – подушка, набитая сеном была колючей – и смотрел в чернеющий над лицом потолок.

– Не знаю, – задумчиво ответил он. Коммунизм – это идеал, икона, на которую мы молимся. При коммунизме не должно быть всем одинаково – по горошку на ложку. Кому-то одной горошины будет мало, по заслугам ему, может быть, и ложку гороховой каши дать надо будет. Главное, чтобы были созданы одинаковые стартовые возможности: сыновья министра и дворника должны иметь равный доступ к воспитанию и образованию. Ты сын дворника, но ты талант – тебе путь вверх. Если ты сын важного лица, но тупой, как валенок, – тебе дорога на тот уровень, где обитают такие же, как и ты.

– Ну, ты, Жора, и загнул! А как же наследственность? А как же гены?

– Я читал, что на детях знатных часто природа отдыхает. Они порою вырастают зажавшимися лентяями. Число гениев не зависит от породы.

– Ты не прав, Жора. Самый хороший способ сделать карьеру – родиться в семье великих.

– «Надоело, говорить и спорить,

И любить усталые глаза,
В Флибустьерском, дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

...Пьем за яростных, за непокорных

За презревших грошевой уют», – запели возле топчана Вадима Кротова.

Оказалось, что помимо трех бутылок водки, выложенных в общий котел, у него была еще и фляжка со спиртом, которую он с ближайшими соседями по топчанам и опустошил.

– Флибустьеры, дайте поспать! Нам завтра рано вставать, вам же еду готовить! – послышался женский голос из-за ширмы.

Понемногу все успокоились и уснули.

Еще затемно Георгий вышел во двор, вытянул из колодца бадью воды, разделся до пояса, на русые волосы надел колпак и, ахая, нагнувшись, начал поливаться из ковша. Подошли женщины, одна из них взяла у него ковш и стала поливать со спины.

– Не простынешь?

– Нет, Люда. Это у меня еще с армии.

Облившись, он выпрямился и с удовольствием стал энергично растираться полотенцем. Женщины любовались мускулистым телом. На руках бугрились мышцы, на одном плече была наколка – раскрывшийся парашют и надпись: «Если не мы, то кто?». Георгий энергично по приседал, раз двенадцать подтянулся на ломе, кем-то пристроенном вместо турника в проеме двери сарайчика. Оделся.

– Давайте канистру, я сбегаю на ферму за молоком. Что думаете готовить на завтрак?

– Воду греть поставим. Рис варить начнем. Молоко принесешь – каша на молоке будет. Тушенка еще есть. Чай. Хлеб.

– К обеду мяса принесу. Сам схожу. Договорюсь, чтобы от задней части отрубили, мякоть, – Георгий взял канистру и трусцой побежал к логу, на склоне которого уже светились окошки фермы.

Бригадир повел всех на конный двор – там в одном из стойл для лошадей был сложен инвентарь – лопаты, ведра. Выдал десять ведер и пять лопат.

– Лопаты не ломайте, берегите. И ведра тоже не разбрасывайте. Один будет копать, другой собирать. Собирайте в два ведра: которая картошка покрупнее – в одно ведро, мелочь в другое. Кто старший? Распишись за получение инструмента. – Бригадир достал затертую тетрадь, Васильев расписался в ней за получение пяти лопат и десяти ведер.

До поля шли километра полтора.

Картошки было посажено пять гектаров. Ботва уже вся пожухла, листьев не было – одни черные хвостики указывали на картофельные гнезда. Рядки тянулись к лесу метров на пятьсот.

– На двоих берите два ряда. Вон конюх едет. Картошку покрупнее сыпьте ему на телегу, в короб. Он увезет. Мелочь сыпьте в кучу посреди поля. Потом соберете.

– Что считать мелочью? – спросил бригадира Васильев.

– С яичко-то в крупную кладите.

На кустике картошки «по яичку» и крупнее было по две штуки. Редко три. И штук по шесть – чуть крупнее виноградины. Все картофелины были облеплены сырой глинистой землей, и прежде чем бросить в ведра, их надо было очистить. Но короб телеги все-таки понемногу наполнялся. Росла и куча мелочи. Часов в одиннадцать возница повез первый короб картошки. С ним ушел и Георгий – за мясом для обеда.

К часу возчик на телеге, в сопровождении Веселова и женщин, привез кастрюлю с еще горячим густым борщом, в двух других кастрюлях были овсяная каша и гуляш из говядины. В термосе заваренный сладкий чай.

Георгий не забыл прихватить с фермы флягу с холодной водой для мытья рук и посуды после обеда.

В лесу на полянке разожгли костер, наломали пихтового лапника и устроились на обед возле костра.

По мере наполнения желудка улучшалось и настроение.

– Бабоньки, нам добавки, мы вам ширму вешали, – подошли с пустыми чашками два токаря -Захар и Кузьма.

– Первый и последний раз по благу даю, – наполняя чашки, засмеялась кладовщица Надежда Белых.

– «По благу, по благу,
Дала сестренка брату...

Коробку шоколаду

И синий карандаш», – промурлыкал Кузьма, с интересом поглядывая на круглое, розовощекое лицо молодой кладовщицы.

После обеда женщины помыли посуду и уехали.

День выдался не дождливым. Было не жарко. Мужчины, переваривая обед, сидели и лежали на лапнике у костра. Кто-то курил, а Георгий с Сергеем, лежа, с интересом следили за быстрым движением по небу низких темно– лиловых туч.

– Только бы дождя завтра не натянуло, – сказал Георгий.

– Может, еще раскочается, – ответил Сергей и поднялся. – Мужики, кончай перекур, пора на поле. Сейчас телега приедет. Нам еще раз заполнить ее надо.

Нехотя встали, разбросали головешки костра, затоптали угли и ушли на поле.

На третий день начался дождь, вначале мелкий, потом усилился. Все вымокли, но телегу картошки до обеда набрали. Решено было идти обедать в деревню. Возница сказал, что если дождь будет и дальше так лить, после обеда он на поле не приедет – нет смысла.

На веревках вдоль печи развесили сырую одежду, переоделись в сухое, пообедали. Сергей принял решение – на поле не выходить.

По столу начали стучать костяшками домино, Захар, Кузьма, Петр и Дима Нетунаев сели играть в карты. Георгий, покрутившись возле печи у прибирающихся женщин, натянул на себя клеенчатый плащ с капюшоном и пошел на ферму. «Может, дояркам помочь надо», – подумал.

На ферме было тепло и сухо. У входа, рядом с красным уголком, топился кормозапарник – сооружение в виде толстой, круглой двухметровой печки с вделанным в нее емким котлом для воды. Горячая вода отапливала красный уголок, был кран и для отбора воды на другие нужды: горячей водой заваривали пойло для скота, тепленькой мыли вымя коровам перед дойкой.

Коров еще не пригнали, и три доярки сидели за столом. Со всеми из них Георгий уже был знаком. В центре стола сидела Вера Князева, пожилая женщина в расстегнутой телогрейке. На голове зеленый, с большими, аляповатыми розами, платок, узлом завязанный на затылке. Она была старшей на ферме, и обычно она по утрам наполняла канистру Веселову молоком. Справа от нее сидела черненькая татарка Наиля. Напротив Наили – тощая, рослая, черноволосая Настя. Наиля и Настя были без телогреек, в шерстяных вязаных кофтах. На столе стояли большой, литра на четыре, эмалированный чайник и блюдец с кусочками наколотого сахара, тарелка с ломтями хлеба, нарезанными от деревенского каравая. Перед каждой женщиной стояла синяя эмалированная кружка с чаем.

– Садись с нами чаевничать, – пригласила Вера.

Наиля подвинулась на лавке, освобождая место, и, встав, достала с полки еще одну кружку. Георгий сел. Налил чаю. Под потолком вдоль стены на обратной стороне нешироких обоев был написан лозунг: «Обществу нужен новый человек – с коммунистическим мировоззрением».

– Ну, и как у вас с мировоззрением? Коммунизм проглядывается? – кивнув на плакат, улыбнулся Георгий.

– Проглядывается, особенно, если сзади заглядывать, – зло сказала Настя.

– Не болтай. Три дня знаешь человека, а уже мелешь при нем что попало, – приструнила подругу Князева.

– Да это парторг колхоза. С него Райком требует наглядную агитацию, вот он и развесил, где мог, – примирительно сказала Наиля.

– Что, я все время рот на замке держать должна? У меня три рта на полатах голодные! Привезла на телеге в город на колхозный рынок свинью продавать, подскочили – деньги давай, сбор с владельцев скота. «Какие, говорю, деньги? Не продала еще». Так ведь, гады, и крутились возле, пока после не содрали налог с продаж, сколь положено. У родственника три дня пожить решила: детям обувь купить надо было, да телогрейку себе приглядела, так на вторую ночь участковый прибежал, видно, соседи пожаловались: «Почему без прописки ночуете? Где паспорт?»

– Нет, говорю, у нас паспортов, беспаспортные, колхозники мы. Как рабы мы!

– Поговори у меня еще! На два года посажу!

Выписал квитанцию, сто рублей штрафа содрал за нахождение в городе без прописки. А ты спрашиваешь, проглядывается ли коммунизм.

Георгий смотрел на худую, озлобленную женщину, сидевшую напротив, и не знал, как утешить ее.

– Ну, ныне зерновые получше, может, на трудодни поболее дадут. Комбикорма вот для свиней привезли, партия решение приняла об увеличении скота в личном подворье. Полегче жить будет, – прервала затянувшееся молчание Вера.

– А корма-то где? На одну корову наскрести не могу, по ночам с сыном бегали, ложок обкашивали. И то в правлении пригрозили трудодни снять – за самовольное сенокошение.

Дверь в красный уголок распахнулась, и в него влетела рослая, молодая, лет двадцати, с рыжими, мокрыми, распущенными, до плеч волосами, еще одна доярка. Она скинула с себя прозрачный плащ, отряхнув, аккуратно повесила его на гвоздь в угол, оставшись в брюках и толстом свитере ручной вязки.

– Что-то ты быстро управилась. Хотела только к дойке подойти, – сказала Вера.

– Почуяла, что к нам ясный сокол залетел, вот и явилась раньше времени, – засмеялась девица, усаживаясь рядом с Настей. Роста были они одного, но рыжая была кругло лица, плотно сбита в плечах, под свитером угадывались полные груди. Она налила себе чаю и, поднеся к губам, беззастенчиво стала разглядывать гостя.

– Слушай, Георгий, сосватай меня, а? Я рыжая, ты почти рыжий, знаешь, какие у нас с тобой сыновья пойдут! Рослые, сильные, крепкие, как белые грибочки! – прихлебывая из кружки чай и не отрывая взгляда от глаз сидящего напротив парня, заговорила она.

– Галя, одумайся! Чо ты мелешь, бесстыжая! Прибежала и готова сразу на шею человеку броситься. У него, поди, жена и дети уже есть!

– Нет, Вера, у него жены. И детей нет. Чует мое сердечко. А среди вас пропаду я. Нарожаю молодцов от семи отцов и озлюсь, вон как Настя.

– А меня-то ты тут чо приплела? У моих есть отец. Пишет, может, под амнистию попадет. Выйдет, и мы заживем, как люди.

– Не обижайся, Настенька! Я тебя жалею. Это к слову, я, – обняла подругу Галя.

– Ну, ладно! По чаевничали, поплакались, по женихались, айда ведра помоем да зеленку разнесем: дождь, скоро пригонят коров-то, – сказала, вставая из-за стола, Вера.

– А тебя мне цыганка нагадала: сказала, что суженый мой будет рослый и рыжий, как я, – сказала Галя на ушко, прижавшись грудями к плечу Георгия. И вышла последней.

Веселов, взволнованный напором молодой доярки, налил еще кружку чая, в одиночестве задумчиво выпил и ушел к своим. Помощи дояркам не требовалось.

После ужина он долго ворочался на топчане с боку на бок. «Ишь ты – сыночки, как белые грибочки», – думал он, засыпая.

Погода испортилась окончательно: небо затянули серые тучи, периодически начинал моросить мелкий дождь. Работать на поле было тяжело: на ноги налипала глина, сапоги становились тяжелыми. Кто счищал ее с подошв о лопату, кто о край ведра. Резиновые перчатки давно уже порвались, у многих мужчин пальцы постоянно были в грязи и мерзли. Кто-то привез с собой матерчатые перчатки – тем было легче: вечером постиранные, к утру у печи перчатки высыхали, и счастливики начинали день с сухими руками. Но таких было немного.

Начались проблемы с питанием: за три дня до отъезда закончились крупы и макароны, привезенные из города, закончилась говядина. Председатель выделил свинины, но она была жирной и постоянная картошка с салом не всем была по вкусу. Черный, деревенский, в караваях хлеб, который по утрам вместе с молоком приносил Георгий, тоже жаловали не все.

А за три дня до отъезда случилось ЧП. В этот день немного разведрилось: тучи на небе стали рваными, временами выглядывало солнышко. Васильев утром попросил всех к работе отнестись ответственно: необранный клин поля оставался еще большим, и надо было дорожить установившейся погодой.

Работу начали бодро, картошка пошла покрупней. До обеда возница увез две телеги хороших клубней. В обед женщины привезли тушеную картошку с салом, по куску жареной свинины, хлеб молоко и чай. Поели у костра. Вадим съел кусок мяса, поковырялся в картошке, выкидывая сало на траву, от молока отказался. Выпил две кружки чаю.

На поле он работал в паре с Димой Нетунаевым: Вадим копал, а Дима очищал от грязи картошку, складывал в ведра и относил одно на телегу, другое – в кучу. Куча мелкой картошки была уже большая: ее не увозили с начала уборки. Бригадир сказал, что эта картошка – на корм свиньям, и что убирать ее будут в последний день, перед отъездом.

Вадим начал копать не все кусты: те, где черных картофельных стеблей было мало, он пропускал.

– Вадим, вот же не выкопал! – сказал ему Дима, держась за картофельный стебелек.

Вадим молча продолжал выворачивать картофельные гнезда через одно: одно гнездо выкопает, одно нет.

– Вадим, ну люди же сажали! Зачем в земле оставлять?

– Тебе что, больше всех надо? Все равно все сгноят! Колхозу надо перед Райкомом за площади отчитаться: гектары убраны. А урожайность – кому эти три оставленные тобой картофелины нужны? Собирай то, что видно!

– Вадим, ну мне совесть не позволяет картошку в земле оставлять! Я так не могу.

– Ты бы свою совесть спросил, когда в карман транзисторы складывал!

Дима часто-часто заморгал глазами, из них готовы были закапать слезы.

К ним подошел работавший рядом Сергей, он слышал их разговор.

– Вадим, и правда, почище надо убирать. Пройдет бригадир по полю, скажет: как свиньи наковыряли!

– Да пошли вы оба в жопу! Один – ворюга – указывает, его совесть заела, другой перед начальством выпендриться хочет. В гробу я вас видал! Как хочу, так и копаю! Козлы!

– Не надо такими словами бросаться. Я бы на твоём месте сейчас извинился перед Сергеем и Димой! – сказал подошедший Георгий.

– А ты здесь кто такой? Хочешь, и тебя туда же пошлю! А то и по роже схлопочешь!

Двое крепких парней стояли в двух шагах друг от друга. Георгий сделал шаг к нему, и в этот момент Вадим с размаху попытался ударить Веселова в скулу. Но он не знал реакции бывшего десантника: тот моментально чуть отвел голову, и кулак Вадима пролетел в сантиметре от подбородка. А в следующую секунду сам Вадим с перекошенным от боли лицом присел на корточки, схватившись рукой за правый бок. Короткого, без замаха, удара по печени никто

даже не заметил. Понял все только Сергей. Он с укором посмотрел на Георгия и склонился к Вадиму.

– Ну, все. Поехали дальше, мужики. Я, Дима, и ваши два рядка копать буду. А на него не обращайтесь внимания: через пять минут все пройдет. Наглецов учить надо! – сказал Георгий и начал копать четыре ряда. Собирали за ним двое – Дима и Захар.

Минут через пять Вадим поднялся с корточек и пошел в сторону деревни.

– Ты его не искалечил? – с тревогой спросил Сергей.

– Если бы я хотел причинить ему вред, то от моего удара он и сейчас бы еще в борозде валялся. Это так – легкий удар в спарринге.

В оставшиеся до отъезда дни работали прилежно. Вадим был молчалив, работал в паре с Васильевым. Сергей пытался его разговорить, боясь, что Кротов нажалуется своему влиятельному папаше, но это не получалось. На вопросы Вадим отвечал односложно: «да», «нет». Вечером, поужинав, заваливался на топчан и тупо смотрел в потолок.

А Георгий вел себя, как обычно: вставал раньше всех, обливался ледяной водой, хватал канистру и бежал на ферму за молоком для завтрака. И почти каждый раз он ловил на себе ласковые взгляды рыжей доярки.

– А я ведь все жду, когда ты свататься придешь ко мне, миленочек, – сказала она, наливая в канистру молоко, накануне.

И вечером, ворочаясь на топчане, Георгию все виделся ее взгляд и слышался грудной, воркующий голос.

«Колдунья она, что ли?» – пытаюсь заснуть, думал он.

В последний день перед отъездом из колхоза случилось еще одно ЧП.

К поужинавшим и уже настроившимся на отдых рабочим неожиданно пришел председатель колхоза. В сапогах, сером дерматиновом плаще, шапке-ушанке он был похож на рыбака.

– С выпаса пять коров не пригнали. Полегли коровы. Озимы объелись, пастухи недоглядели. Мы за ними на тракторе поехали. Нам бы четыре-пять мужичков в помощь.

Ехать в ночную непогоду никому не хотелось.

– Я знаю, вы устали, да и время неурочное, – виновато проговорил председатель.

Георгий, Захар, Кузьма и Азат стали натягивать еще не высохшие спецовки. Пошел к своей одежде и Васильев, но Георгий остановил его:

– Тебе лучше остаться здесь, с народом.

На улице тарыхтел старенький гусеничный трактор ДТ-54. Сзади к нему были прицеплены большие сани – волокуша: два продольных шестиметровых бревна, заостренных в виде лыж спереди. В трех местах бревна были скреплены четырехметровыми поперечинами, такими же бревнами. Поверх сооружения был настил из толстых плах. На санях, спереди от трактора, был брусстер из деревянных брусьев в виде наклонного козырька, высотой с метр. Он должен был защищать от грязи, летевшей от трактора.

У козырька, на наваленной на настил соломе сидели, закутавшись в полиэтиленовую пленку, два мужичка и три женщины. Председатель колхоза по гусенице залез в кабину к трактористу, Георгий и компания заскочили на солому волокуши.

– Иди сюда, сладенький мой, – услышал Георгий голос Гали и увидел, как она откинула край пленки рядом с собой. Жора завалился между ней и Наилей. Захар, Кузьма и Азат устроились в ногах. Трактор затарыхтел чаще, и сани поплыли по грязной дороге. Лучи фар выхватывали из липкой сырой черни то бурый обвал лога, то одинокое дерево. Георгию между двумя женщинами было тепло и уютно. Галя повернулась к нему и правой рукой обняла его:

– Ты не возражаешь, если я руку на тебя положу?

Ну, конечно же, Георгий не возражал. Близость девушки была приятна, и когда трактор остановился, так не хотелось рушить эту идиллию.

У коров были вспучены животы, каждая была похожа на большую раздувшуюся бочку. Они мычали и печально смотрели на людей большими, со столовую ложку, глазами.

– Что же ты, Зорька, наделала? – гладила белую с рыжими подпалинами корову Наиля. – Как же ты так? Вставай, Зорюшка, вставай!

Корова мычала, пробовала встать, но ноги не держали, и она тяжело валилась на бок.

– Что рты разинули? Заводите коровам веревки под животы, подымайте! Прогуливайте помаленьку!

Мужики, по четверо на корову, за концы веревок помогали коровам подняться и заставляли их двигаться. Из коров начали выходить газы, они начали опорожняться и потихоньку четыре коровы пришли в нормальное состояние.

Плохо было только с любимицей Наили. Корова не могла встать и жалобно мычала. Из керосина и спирта зоотехник сделала лечебное пойло, подошла к корове и сунула рожок чайника ей в рот. Корова мотнула головой, пытаясь выплюнуть рожок изо рта. Но Азат и Георгий крепко держали ее за рога.

– Пей, Зоренька, пей, легче будет, – гладила ей горло Наиля. Пойло не помогло. Прокололи бок иглой. И это плохо помогло. Появилась одышка. Зоотехник заглянула корове в рот и покачала головой: – Резать придется.

– Может, еще можно что-то сделать? – Со слезами на глазах спросила Наиля.

– Резать, Наиля, надо. Грузите на сани, везите скорей.

Корову, словно муравьи жука, за ноги подтащили к саням, сырые и грязные ноги выskalывали из рук. Общими усилиями втянули наверх, на солому. Корова тяжело, со стоном, мычала. Рядом с ней села Наиля. Из глаз женщины катились слезы. Ей что-то на своем татарском языке говорил и говорил Азат и гладил по плечу.

На ферму сбегали за пологом для туши, принесли нож.

– Ольга Феодосьевна, не надо резать! Выживет она! Я до утра с ней посижу. Потерпите до утра! Пожалуйста! – просила Наиля.

Зоотехник выпоила корове стакан разведенного вазелинового масла, смешанного с молоком, сделала еще один прокол брюшины. Через вставленную гильзу начала выходить пена, ослабшие движения живота усилились. И впервые зоотехник улыбнулась:

– Не реви. Выживет корова.

Мужчины, кроме Азата, который остался с Наилей у коровы, прошли в красный угол. Зоотехник Ольга Феодосьевна, как оказалось, жена председателя колхоза, по его приказу откуда-то принесла десяток яиц, хлеба, чашку неочищенной вареной картошки, выставила на стол бутылку с самогонкой. Яйца Галя разбила на сковородке и с салом пожарила на электроплите. Председатель колхоза разлил мутную жидкость в кружки и четверо мужчин – председатель, трое приезжих да зоотехник – и рыжая доярка встали на ноги и чокнулись кружками:

– Давайте погреемся. Слава богу, все обошлось. Резать не пришлось. Спасибо вам, подсобили.

Выпили. Женщины ушли к корове, мужчины выпили еще, и председатель колхоза стал изливать душу: чувствовалось, в нем накопилось. Он рассказал, что в председатели попал по партийному набору: его, главного инженера пром комбината, вызвали в Райком КПСС раз, два, и, как сознательного коммуниста с высшим инженерным образованием, обязали возглавить колхоз. Отговорки не помогли. И вот уже пять лет он с женой, ихтиологом по образованию, живет в деревне. Жене пришлось переучиться на зоотехника. Здесь у них родилось двое детей. По территории колхоза на протяжении тридцати километров протекает неширокая река. Жена мечтает запрудить ее в нескольких местах – есть очень удобные горловины меж холмов – и разводить карпов. Это, говорит, было бы золотое дно. Деньги от продажи рыбы с лихвой перекрыли бы доход от всех отраслей колхоза. Райком не дает: сверху спущен план на посев зерновых, картофеля, льна. Ни вправо, ни влево – надо выполнять. А ни людей, ни техники.

Девочек тринадцатилетних деревенские мамы к родне в город отправляют, в няньки. Чтобы паспорт получили и стали городскими. Парни после армии тоже в деревню не едут – на целину, на БАМ. А здесь у нас чем не целина? Поля зарастают, обиходить не можем, – горько жаловался председатель.

– Ну, Галя ведь осталась, Наиля. Работают ведь, – сказал Георгий. – У Наили муж скотник, детей трое. Куда им ехать. Да и коров она любит. А у Гали мать была немощная, не могла она бросить мать без присмотра. Недавно та померла. Да и не думаю я, что Галина надолго в деревне останется: женихов для нее тут нет. Скотник, забулдыга Гришка, сватался к ней, она ему от ворот поворот указала. Попробовал по пьяни руки распускать, лапать ее, она ему грязным резиновым сапогом так заехала! Десять дней как монгол безлошадный на раскорячку ходил. Вся деревня смеялась. Девка здоровая, лыжница. Еще со школы за район бегала, из области призы привозила.

Выпили по третьей. Доели яичницу, картошку. Пришли все три женщины и Азат. Наиля от самогона наотрез отказалась. Ольга Феодосьевна убрала недопитую бутылку, Галя вымыла и убрала сковородку, чашку, кружки.

От фермы какое-то время шли все вместе, потом стали расходиться – приедем надо было в одну сторону, колхозникам – в другую.

– Рыжая, на выходной приеду, примешь? – с улыбкой, прощаясь, спросил Георгий, задержав девичью ладошку в своей.

– Приезжай. Рада буду, – серьезно ответила девушка.

А на заводе назревали события чрезвычайной важности. При подготовке к 24-му Съезду КПСС работу с письмами трудящихся газеты «Правда» проверяли члены Центральной ревизионной комиссии КПСС Горчаков Василий Петрович, Васягин Иван Филиппович и Ефремов Леонид Матвеевич. Горчаков Василий Петрович – невысокий, невзрачный пятидесятилетний мужчина – был работником центрального аппарата КГБ и имел отношение к организации охраны на режимных объектах. Его очень заинтересовало письмо комсомольцев из города и с предприятия, которые он хорошо знал. После соответствующих консультаций было решено: для проверки фактов, указанных в письме, отправить корреспондента газеты и вместе с ним Василия Петровича. Причем первую скрипку должен играть корреспондент «Правды», а Горчаков должен быть постоянно с ним и исполнять роль помощника.

Заместителю директора предприятия по режиму подполковнику Бушуеву Ивану Денисовичу по закрытой связи поступило указание из Москвы – обеспечить прибывающим работникам газеты «Правда» полный доступ к интересующей их документации предприятия и общению со всеми, с кем они пожелают встретиться.

Такое указание из Москвы лично от генерала Бушуев получал впервые, был им изрядно встревожен и тут же доложил об этом директору. Решено было никаких резких шагов не предпринимать – неясен был интерес газеты к предприятию.

Ждать.

Оставшись один, директор завода тяжело поднялся с кресла, прошел вдоль длинного, отдельно стоящего стола для заседаний, поправил один из стульев, который почему-то оказался выдвинутым по отношению к другим, подошел к своему рабочему столу и опустился в кресло.

План завод выполнял и по объему, и по номенклатуре. Давался он нелегко.

Обком КПСС постоянно требовал от крупнейшего предприятия области помощи в решении проблем в хозяйственных вопросах.

Строители не укладывались в сроки сдачи птицефабрики. Поступил звонок от первого секретаря обкома с просьбой о выделении двухсот человек в помощь строителям. Попробовал сослаться на свои трудности. Последовал разговор о важности продовольственной программы партии, о долге каждого коммуниста в решении этой наиважнейшей задачи. Завод выделил сто

двадцать человек. Полтора месяца квалифицированные рабочие выполняли подсобные работы на птицефабрике, готовя ее к сдаче государственной комиссии.

Каждую осень бюро горкома партии принимает решение о помощи колхозам в уборке урожая. И Илья Михайлович Власов, член бюро горкома, голосует за оказание этой помощи. Дает разнарядку цехам, и те вынуждены отрывать рабочих от их непосредственной работы и посылать в колхозы.

В последнее время крупнейшие российские экономисты заговорили о путях снижения себестоимости продукции, о роли бригад, о бригадо комплектах, о влиянии психологического климата на производительность труда. Описывая зарубежный опыт организации труда, приводилась выдержка из речи председателя компании «Дженерал фудз корпорейшн»:

«Люди состоят из тела, ума и духа, и каждая из этих частей должна быть использована для выполнения установленных задач. Если на первом этапе мы использовали физическую силу, затем ум и сообразительность, то теперь пришло время использовать душу, моральный и духовный потенциал, побуждая к творчеству и активности».

Илье Михайловичу хотелось воскликнуть: «А как же объяснить русской душе необходимость бесплатно таскать на носилках мусор из корпусов птицефабрики? И требовать от нее творческой активности. Зарплату-то для души зарабатывают оставшиеся в цехах товарищи. А как же объяснить душе, почему города отсосали из села наиболее трудоспособное, активное население, и сейчас города же вынуждены, чтобы прокормить себя, посылать рабочих тереть лен, метать в стога сено, копать картошку?».

Директор предприятия Илья Михайлович Власов, член бюро горкома КПСС, объяснить этого не мог. И вынужден был содержать на заводе лишний штат работников и выкручиваться с фондом зарплаты.

«В чем же интерес газеты ЦК к нашему предприятию? Писать о нас не принято: ни хорошее, ни плохое», – думал Власов, откинувшись на спинку кресла.

Диму Нетунаева с завода уволили через три дня после возвращения из колхоза. Начальник цеха вызвал его в кабинет, предложил сесть за стол сбоку от себя и, подняв на парня, казалось, доброжелательный взгляд, заговорил:

– Дмитрий Григорьевич, режимники предложили уволить вас по статье «За хищение социалистической собственности». Я пробовал заступиться за вас: говорил, что вы хороший специалист, что хищение незначительное, что хотели вы сделать хорошее дело для кружка пионеров. Не помогло. Мне объяснили, что предприятие у нас особое, и мелким воришкам в нем не место... Ходят слухи, что и в колхозе вы вели себя не всегда хорошо: пьянствовали, на поле с товарищами ругались. Единственное, чего я добился, это разрешения, чтобы вы уволились «по собственному желанию».

Генрих Иванович подвинул рабочему чистый лист бумаги и ручку.

– Пишите: «прошу уволить меня...», можете какую-то причину указать, ну, скажем, в связи с переходом на работу в Дом пионеров. Можете просто написать: «по собственному желанию», не указывая причины. Я подпишу.

Бакулев, казалось, даже с жалостью, смотрел на увольняемого им работника. Тут же написал заявление, поставил дату и отправил в отдел кадров предприятия за обходным листком. В отделе кадров удивились, что добровольно уходит квалифицированный специалист. Но обходной лист выдали, и через полчаса Нетунаев уже сдавал гардеробщице числящуюся за ним спецодежду, в инструментальную кладовую сдал измерительные приборы и инструмент, забежал в кладовую к Белых Надежде.

– Ух-х-хожу я с завода, Надежда Юрьевна, – снова заикаясь от волнения, сказал Нетунаев.

– Да ты что, Димочка? Бакулев, что ли увольняет?

– Да сам я. З-з-заявление написал.

– Пожалеешь ведь, Дима. В городе тяжело с работой.

– Н-н-навверное, п-пожалее. Ну, прощайте. – Нетунаев склонил голову и вышел.

Подошел он и к Веселову. Тот выключил станок и отошел с Димой к окну. Присел на подоконник и попросил рассказать о разговоре с начальником цеха во всех подробностях. Дима рассказал, что если бы он не написал заявление, его бы уволили с записью в трудовой книжке «За хищение социалистической собственности».

– Блефует, гад! Еще разрешение профсоюза на увольнение надо было бы получить.

Рассказал Нетунаев и о том, что он обвинил его в пьянстве в колхозе и ругани с товарищами на поле.

– Как, как он сказал? Ругался с товарищами на поле? Так и сказал? Это Вадим через папу накапал! – Помолчали.

– Заявление подписано, сейчас уже ничего не вернешь. Жаль, что ты раньше ко мне не подошел.

Приходи ко мне вечером на тренировки: бойца из тебя сделаю! – Токарь пожал приятелю руку. Но станок включил не сразу. Постоял и, нажимая кнопку пуска станка, проговорил вслух:

– Жаль парня.

Бушуеву Ивану Денисовичу доложили, что «гости из Москвы» прибыли ночью в город. Остановились в заводской гостинице, на третьем этаже, в номере 382, люкс. Иван Денисович тут же доложил об этом директору. Звонок из гостиницы поступил ровно в десять часов, попросили подослать машину. Через пять минут черная директорская «Волга» уже стояла у входа в холл гостиницы. Вышли двое: высокий представительный мужчина в фуражке из колонкового меха, в черном длинном пальто, в начищенных до блеска чешских туфлях. Рядом с ним шел невысокий невзрачный мужчина в черной куртке и кавказской фуражке с большими полями и длинным козырьком. В руках у него был серый алюминиевый чемоданчик. Он услужливо открыл перед товарищем переднюю дверцу машины, подождал, пока тот, подобрав полы пальто, устроится на сиденье, захлопнул дверцу, и сам уселся в машину на заднее сиденье.

Иван Денисович в парадной форме подполковника, с орденской планкой на груди, встретил гостей в холле заводоуправления. Попросил предъявить документы: высокий черноглазый мужчина достал удостоверение – красную книжечку с золотым тиснением «Союз журналистов СССР». Бушуев посмотрел на фотографию, печать, прочитал вложенный в нее вкладыш газеты органа ЦК КПСС «Правда» и лишь после этого представился. Сопровождающий корреспондента мужчина начал рыться во внутреннем кармане куртки в поисках своих документов, но Игорь Соломонович, кивнув на него, сказал:

– Этот со мной.

И подполковник, ничего больше не спрашивая, пошел вперед на второй этаж к кабинету директора. Солдат, встав по стойке смирно, приставил карабин к ноге и козырнул высокому начальству.

В приемной директора гости разделись, секретарь предложила им повесить одежду в шифоньер. Гости поправили перед зеркалом волосы и в сопровождении подполковника вошли в кабинет.

Директор завода, увидев входящих, ответил кивком на их «здравствуйте» и поднялся из-за стола:

– С кем имею честь разговаривать?

Высокий мужчина прошел к столу и протянул руку для приветствия:

– Игорь Соломонович Грушевский, корреспондент «Правды». Это, – кивнул он на стоящего у дверей товарища, – тоже работник редакции Василий Петрович.

– Проходите. Садитесь.

Грушевский сел на стул возле директорского стола, Горгачев и Бушуев сели поблизости, по разные стороны стола для заседаний.

– Игорь Соломонович, чем же заинтересовало наше предприятие такую уважаемую газету?

– С вашего завода в газету пришло письмо. И оно позвало в дорогу корреспондента, – улыбнулся Грушевский и повернулся к товарищу. Горгачев достал из чемоданчика, лежащего у него на коленях, папку и передал Игорю Соломоновичу. Тот не спеша достал из нее письмо, на котором уже стоял редакционный штамп с номером документа, и протянул Власову. Директор начал читать. По мере чтения лицо и большие залысины наливались кровью. Прочитав все четыре страницы тетрадных листочков, он внимательно посмотрел на число, подписи и брезгливо вернул письмо Грушевскому.

– Это клевета. На нашем предприятии такого быть не может, – сказал он, и серые глаза его неприязненно уставились на корреспондента.

– Мы бы хотели встретиться с теми, кто написал письмо, с коллективом, в котором они работают. Полномочия на посещение вашего предприятия у нас есть. Иван Денисович об этом знает.

– Мы с подполковником не возражаем. Когда бы вы хотели посетить завод? – Чем скорее, тем лучше. Желательно сегодня.

Директор поднял трубку одного из телефонов:

– Мне Бакулева. Разыскать.

Через полминуты в трубке послышался ответ.

– Генрих Иванович, – директор посмотрел на часы, – через двадцать минут мы будем у вас в цехе. Весь коллектив соберешь в машинном зале. Приготовишь в зале стол и пять чистых стульев. Чтобы сесть на них можно было. Будет собрание... Да, это приказ.

Через полчаса директор и сопровождающие его лица вошли в корпус цеха. Станки были выключены, вентиляция тоже, в корпусе было тихо. В дальнем конце корпуса в проходе стоял стол, покрытый красной скатертью, и рядом пять стульев. Рабочие разместились у станков, стояли у стола, сидели на красном пожарном ящике с песком. Директор жестом пригласил гостей за стол. Справа и слева от себя он посадил начальника цеха и подполковника, гости уселись по краям. Горгачев со своим чемоданчиком на коленях.

Директор встал, и все затихли.

– Товарищи, я поздравляю ваш замечательный коллектив с успешным освоением выпуска новой продукции и выполнением плановых заданий! Мною подписан приказ о премиальных, скоро вы ознакомитесь с суммой этих премиальных. Но собрались мы не по этому поводу. Группа работников вашего цеха написала в газету «Правда» грязный пасквиль. Я даже читать вам его не хочу. Корреспонденты приехали проверить факты, поговорить с коллективом. Слово я предоставляю им.

Игорь Соломонович встал и начал читать исписанные листки.

Начиналось письмо словами: «Дорогая редакция! Партия и комсомол призывают нас чувствовать не только хозяином на своем заводе, а представителями страны, государственными людьми, борцами за осуществление экономической политики партии. И мы не можем пройти мимо того, что творится в нашем цехе...», и далее рассказывалось о списании и уничтожении новых, со складского хранения приборов, дорогостоящих генераторных ламп, муфельных печей, описывалось, как рубились топором при списании новые резиновые сапоги, кирзовые ботинки, о тайных кладовках, где хранятся не оприходованные, нигде не числящиеся материалы. «Все это для нашего цеха пусть и не нужно, но оно где-то, наверное, в другом месте, необходимо», – говорилось в письме.

Закончив читать, корреспондент сел. Директор поднял начальника цеха на ноги:

– Ну, а теперь ты скажи, что думаешь об этой писанине?

– Клевета. Неделию назад в моем цехе работала заводская комиссия по проверке хозяйственной деятельности. Есть акт. Нарушений не выявлено. Была попытка выноса радиодета-

лей за территорию завода. Нарушитель уволен, – сказал Генрих Иванович, держа в дрожащих руках авторучку.

– А теперь в присутствии корреспондентов пусть выскажутся те, кто сочинил этот пасквиль, кто пытается очернить коллектив цеха и завода. Мы должны понять, что движет ими. Какова цель этого письма? – сказал директор завода.

Воцарилась напряженная тишина.

– Ну что, смелых не стало?

И тут к столу начал проталкиваться Георгий Веселов.

– Есть смелые, Илья Михайлович. Это письмо написали мы. Оно не анонимное – под ним подписи – моя и моих товарищей. Мы отвечаем за каждую строчку этого письма. Я могу показать место, куда сброшено и зарыто все то, о чем написано в письме. Я могу рассказать, как и где из нержавеющей стали сваривались фляжки для выноса спирта с завода, где и как по эскизам изготавливались нержав стальные пороги и глушители для личных «Москвичей», гаражные электро щитки, нержав стальные канистры.

– Как же все это, милый мой, выносилось за территорию строго охраняемого объекта?

А это вам лучше может рассказать Никита Павлович, мастер по подготовке производства, секретарь партбюро цеха, между прочим.

– Нет уж, давай, вали. Ты тут, видать, закоперщик всей этой кляузы.

– Илья Михайлович, тут и валить нечего: к воротам цеха подъезжала машина, черная «Волга» вроде вашей. Никита Павлович просил ребят помочь ему поднести приготовленное, все это грузили в багажник.

У ворот солдатик отдавал честь и поднимал шлагбаум. Машина уезжала. Все.

– Сколько машин имеют право въезжать на объект и выезжать без досмотра? – негромко спросил Игорь Соломонович у сидящего рядом подполковника.

– Три «Волги»: директора, главного инженера и главного технолога.

Директору стало плохо: он побледнел, достал бутылочку с нитроглицерином, вытряхнул одну таблетку на ладонь и начал заваливаться набок. Подполковник закрыл собрание, приказал всем расходиться по рабочим местам.

Срочно вызвали машину скорой помощи, фельдшерский пункт был на территории завода, и, не снимая кардиограммы, директора завода увезли в реанимацию городской больницы.

И с этого момента события на предприятии и вокруг него стали развиваться с калейдоскопической быстротой. Невзрачный мужчина в куртке и кавказской фуражке оказался полковником КГБ с очень большими полномочиями, а алюминиевый чемоданчик, с которым он не расставался – сложным устройством со встроенными чувствительными микрофонами. Городской отдел КГБ, по указанию свыше, временно перешел в его полное подчинение. В отделе были прослушаны и проанализированы все записи, сделанные Горгачевым в заводоуправлении и в цехе завода. Подполковник, отвечающий за режим на предприятии, был временно отстранен от своих обязанностей, против него начато служебное расследование.

Начальник цеха и мастер по организации производства арестованы, в их кабинетах прошли обыски. В кладовых и нелегальных местах хранения материальных ценностей прошли ревизии и обыски в присутствии понятых и следователей. Обнаружилось много интересного: две алюминиевые фляги с нигде не числящимся спиртом, нержав стальные глушители для легковых автомобилей. И главное – в сейфах Бакулева и его завхоза обнаружались корольки – слиточки спекшегося серебра. На заводе в чистом виде серебро не использовалось, использовался серебро содержащий припой, но в ограниченном количестве. В коробочках же серебра было несколько килограммов. Здесь же нашлись рыболовные блесны и вольфрамовые мормышки для зимней рыбалки – этот дорогой металл использовался в цехе. На блесны и мормышки гальваническим способом был нанесен слой серебра. При допросах выяснилось, что на техно-

логию добычи серебра наткнулись случайно. Качество электросварочных швов на изделиях контролировалось при помощи рентгеновского просвечивания. Рентгеновские пленки какое-то время хранились, а потом подлежали уничтожению. Просто сжигались. Один из рабочих, убирая из печи золу, обнаружил кусочки сплавленного металла. Показал Никите Павловичу, тот начальнику цеха. Сделали анализ – металл оказался серебром. Из рентгеновских пленок, покрытых серебро содержащим раствором, при сжигании образовывалось значительное количество чистого серебра. Открытие утаили. Для сжигания пленок была изготовлена специальная печь, зола просеивалась в присутствии Никиты Павловича. Он же забирал весь металл, ничего не объясняя рабочему. Слухи о серебре в цехе ходили: этого нельзя было скрыть от работниц гальваники, те готовили серебряный раствор для небольшой, лабораторного типа ванны гальваники, где серебрились, по указанию начальника гальванического участка, блесны, мормышки. В сейфе начальника цеха рядом с красивой фляжкой со спиртом стояли пять оригинальных, красивых посеребренных рюмочек, выточенных в цехе.

Траншея за цехом была раскопана экскаватором. В ней, помимо того, о чем говорилось на собрании и что было подтверждено протоколами допросов, еще были найдены не распакованные мешки с медным купоросом и содой для гальванических ванн.

Были произведены обыски в гаражах Бакулева, Поздеева, Бориса Львовича Фоминых – молодого человека, главного технолога завода, талантливого металлурга, имеющего правительственную награду – орден «Знак Почета». Он был зятем Генриха Ивановича и его черная «Волга» имела право въезжать на объект и выезжать без досмотра. В гаражах тоже очень многое заинтересовало следователей.

Судебный процесс был закрытым: в городе о нем знали немногие. Реальные сроки заключения получили семь человек. Трое – начальник цеха, мастер по организации производства и технолог завода на десять лет отправились в Сибирь, в Полянский ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь, по уголовному ГУЛАГ).

Впрочем, многие там освобождались досрочно: в лагере существовала шкала зачетов: при выполнении норм выработки свыше 120 процентов один отработанный день засчитывался за два.

Всех, подписавших письмо в газету, постепенно, в течение года, с завода уволили. По сокращению штатов.

П о г и б п р и и с п о л н е н и и ...

Веселов Георгий, тренер по греко-римской борьбе, шел с толпой допризывников, их матерей, невест, друзей и подруг к военкомату, чтобы проводить часть своих воспитанников на войну. К военкомату они подходили не сразу. В клетчатых шерстяных брюках, джинсах, на ногах старенькие туфли, кроссовки, кеды, у некоторых и рубашка на три пуговицы настежь – строптивую буйную душу видно. Стояли вразвалочку, курили – вольница. Вышедший майор построил их в колонну, сказал напутствие, и колонна вышла на улицу. Удивительное, непривычное это было зрелище: машина ГАИ с мигалкой, дирижер, бунчук с развевающимися кистями, блеск духовых инструментов, тревожная мелодия «Славянки», девочки, взмахом руки приветствующие парней, жители, выглядывающие из окон домов, матери, шедшие рядом по бульвару: где среди сотни допризывников ее родной, кровиночка...

У памятника Ленину – почетный караул с карабинами у ног. Допризывники подравнялись, короткие речи и минута молчания в память о парнях, погибших в Афганистане. Десятки красных роз опустили к подножию монумента.

Продолжились проводы в клубе «Родник». На стульях веером разместились допризывники, рядом, справа, в форме и с боевыми наградами на груди – воины-интернационалисты, с другой стороны с гитарами представители клуба самодеятельной песни – барды. Пока же из динамика льется песня, записанная на пленку:

«Жаркая нерусская погода
Оседает пылью на броне,
Оседает вот уже два года
На афганской этой стороне...»
«... Там лесочки, кусточки, жасмин,
А под каждым контактная мина...»
«... Третий тост промолчим –
Кто пропал, а кто пан,
Караван, караван, караван...»

– Два раза в год город провожает своих мальчишек в армию. Сегодня мы провожаем вас. И хотим поговорить о тех, кто был и кто может стать настоящим солдатом, – говорит организатор проводов Лена Измайлова. – Это будет честный разговор об армии, о мужчине, который должен оставаться человеком и мужчиной и в гражданской жизни.

Из группы «афганцев» поднялся парень с гитарой:

– Ребята, я пришел сюда как друг Сергея Ившина. Он погиб в Афганистане. Но вот гитара, на которой он любил играть. Я хочу, чтобы Серегина жизнь продолжалась в этой гитаре. Кто хочет, пусть споет и сыграет на ней.

Гитара передается из рук в руки и находит того, под чьими пальцами она оживает.

– «Не к любимым цветы мы сегодня несем,
Мы идем возложить их на могилы друзей,
Тех, кому не увидеть родных матерей.
Вам бы жить еще долго, растить сыновей,
Только пули уносят таких вот парней».

Маленькая девочка лет трех-четырёх подходит к микрофону и спрашивает:

– Вы с самого-самого детства хотели идти в армию?

Ведущая прошла по рядам, предлагая микрофон сидящим, и один из допризывников ответил:

– Я – с детства. Мне многое рассказывал дед, он воевал, рассказывал отец, ребята.

– Как вы представляете армию, что ждете от нее? – вопрос от группы десантников.

– Хочу выполнить свой долг, выработать силу воли, стать настоящим мужчиной. Каждый должен выполнить свой долг.

Один из «афганцев»:

– Когда уходил, хотелось увидеть, познать новое. Попал в учебку. По окончании спросили: «Кто желает в Афганистан?». Заявления написали почти все. Не все попали. Я попал.

– Были те, кто не написал?

– Были.

– Были моменты, когда было страшно?

– Были. Возвращались в батальон. Обстреляли. Машина горела. Были убитые.

Другие молчали. Встал майор, офицер запаса, «афганец»:

– Было страшно, ребята. Не верьте, что не бывает страшно. Умирать никто не хочет. Каждый пытается сберечь свою жизнь. Но один умеет спрятать страх, помнит о чести и долге, другого же страх лишает всего человеческого. Нужно до конца оставаться человеком, даже если цена этому – жизнь.

Видеокассета: десантники в форме бегут и, если говорить словами Высоцкого, «стреляют, прыгают – с ума сойти!»

Комментарий «афганца»:

– Ребята, нам часто по телевизору крутят «показуху». Наш прапорщик называл передачу «Служу Советскому Союзу» передачей «В гостях у сказки». Красивостей в армии мало. На

операции в беретах не ходят. Одежда пестрая. Мы ходили на операции кто в сапогах, кто в полу сапогах, в маск халате, в комбинезоне, в «хэбэ».

– Была ли в Афганистане дедовщина?

– В Союзе что-то было, в Афгане – нет. Мы там были одна семья. В Афганистане дедовщину по-другому называют: дембелизм. На базе дембелизм может как-то и проявлялся, в боевой обстановке – нет. На операции шел в основном дембель, тот, кому скоро домой. Если не убьют. Молодых старались не брать.

– Жалели?

– Жалости не было: он такой же солдат, как и я, как мой друг. Просто меньше знает, меньше умеет. Дембель учил, поучал. Старался, чтобы молодой выжил. Для Родины. Для России. Чтобы дембель сзади шел – такого не было.

По рукам идут три предмета, и ведущая просит рассказать о них бывших воинов. Те улыбаются: нитки и иголка – нужнейшие на службе предметы, трубка из-под капельницы, скрепленная пулей – амулет «жизнь». В трубке данные: кто ты, когда родился. Ее носили при себе. Фляжка – в ней и радость, и жизнь, и все вместе. Иной раз и по две фляжки брали на задание: глоток воды – глоток силы и бодрости.

– Как вы входили в мирную жизнь? – спрашивают допризывники.

– Ждали самолета – испытывали и радость, и огорчение. Огорчение оттого, что ребят оставляем. Заходили же в «борт» – чуть не кричали от восторга. Будущее рисовалось розовым. И вот Ташкент. Оформление документов, первая встреча с бюрократизмом. Таксист толкует о том, что мяса нет, рыбой замучили. А нам эти заботы кажутся такой мелочностью бытия! Живем мы, в сущности, неплохо: хорошие дома, горячая вода, сносная одежда, пища. Там же – голод.

На экране слайды: Афганистан, разрисованный автобус, женщины на арбе, десантники возвращающиеся с трофейным оружием.

– Ребята, смотрите, какая на нас неодинаковая одежда!

А это Сергей Ившин. Погиб. Он же до призыва – улыбка во все лицо. Это Шкляев Леонид – погиб. Это Кулябин Дима – последний, кого привезли в цинковом гробу. Дима же – первоклассник с цветами.

Матери погибшего Саша Петрова преподносят цветы. Она ответила просто и сердечно:

– Большое спасибо за то, что не забыли наших сыновей. Я тронута. Будьте счастливы и берегите свою Родину, как наши дети. Счастья вам.

Допризывников проводили до вокзала с оркестром.

С вокзала Георгий возвращался окруженный десятком крепких подростков, борцов, своих воспитанников, им через год-два предстояло повторить судьбу своих товарищей, отправиться в военкомат. А там как повезет – кому в Афган, кому на Камчатку, кому на Север. Он гордился своими воспитанниками: среди них были мастера спорта, чемпионы Урала, а один из них, Захар Владыкин, стал чемпионом мира среди юношей. Это был его любимый ученик, детдомовец, беспредельно преданный спорту, обладал исключительной реакцией, ловил каждое слово своего наставника, все упражнения выполнял с радостью. Среди сверстников равных ему не было, и Веселов перевел его в группу старших по возрасту. Его включили в сборную России, и он мог бы не служить в армии, получить «бронь», ему предлагали это, но он настоял на службе. Военкомат предлагал ему Москву, клуб ЦСКА, он и от этого лестного предложения отказался. Сейчас воюет где-то в Газни. Регулярно пишет короткие письма, некому ему писать, кроме наставника. Георгий ждет эти письма и исправно отвечает: он понимает, что для солдата значит письмо с Родины. «Что-то давно не было письма. Все ли хорошо с ним?» – подумал Георгий.

В Дом спорта он не пошел – все тренировки на сегодня в связи с проводами друзей были отменены. Он попрощался с ребятами и отправился в свою двухкомнатную «хрущевку», где, он знал, ждет его жена. Сыновья – два сына, два рыжика, как звала их мать – были еще в школе.

Шестнадцать лет назад он, как и обещал, на выходной приехал в деревню, где две недели назад они помогали подшефному колхозу убирать картошку. Рыжая доярка отпросилась у подруг с фермы и привела гостя в деревянный одноэтажный дом с двумя небольшими оконцами на улицу.

В доме было чисто и уютно: некрашеный пол вымыт и до желта выскоблен, домотканый половик с красными и оранжевыми поперечными полосами тянулся от порога к столу. Вдоль стен у стола были сооружены лавки из широких плах. Они тоже были не покрашены, гладко обструганы и за многие годы отполированы частым сидением на них. Тут же у стола стояли две табуретки. Передняя часть избы была обклеена однотонными желтенькими обоями. Потолок был выкрашен белой масляной краской.

Почти посреди избы, немного слева от входа, была выложена большая, два на два метра, русская печь. От нее к передним окошкам от потолка до пола тянулась ситцевая голубенькая занавеска. За ней, очевидно, стояла кровать.

У окошек и на глухой стене повсюду были развешены рамочки с фотографиями. На них были и родители Гали – высокий бородатый старик Егор в полотняных штанах, заправленных в сапоги, и светлой рубаше, подпоясанной кушаком. Рядом стояла старушка Юлия, в черной юбке, в кофте с горошками и цветастом платке, углами подвязанном под подбородком. Но больше всего было фотографий лыжницы.

Вот она, школьница с номером восемь на груди, на простеньких лыжах с бамбуковыми, с круглыми кольцами у заостренных концов, палками. Вот она в белом свитере, черных, чуть ниже колен брюках, красных гетрах и настоящих кожаных лыжных ботинках стоит, склонившись, на верхней ступени пьедестала почета, и какой-то мужчина в яркой цветастой куртке и пыжиковой шапке вешает ей на шею медаль на широкой ленте. Фотографий спортсменки было много.

Здесь же на стенах были развешены почетные грамоты за успехи в спорте. В правом переднем углу, на полочке, где у старых людей бывают иконы, стояли два красивых белых металлических кубка.

Галя, пока Георгий, сняв куртку и обувь, в носках ходил по избе, рассматривая фотографии, принесла дров, затопила подтопок, переоделась в спортивный костюм.

– Я еще баню затопила. Часа через полтора подойдет. Ужинать будешь после баньки или сейчас перекусишь? Яичницу поставлю.

– Нет, рыжая моя. Сейчас не надо. После баньки будем ужинать.

– А ты что в носках ходишь? Я и не подумала, что ты обувь снимешь, – девушка залезла на печь и достала валенки. – На, обуй. Впору ли? Не жмут?

Георгий надел теплые, подшитые, разношенные валенки.

– Как на меня. Спасибо. Рыжая, достань альбом, фотографии посмотрим: спортивными успехами похвалишься. Я смотрю, ты девушка спортивная!

Галя, зардевшись, вынесла из-за занавески конторскую папку для бумаг, в которую были сложены все фотографии, и села на лавку рядом.

Потом, оставив гостя одного досматривать фотографии, ушла. Вернувшись, объявила, что баня готова: холодная вода налита в бак, горячая – прямо в котле на каменке. Свеженький веник в предбаннике. Полотенце и все остальное – там же.

Веселов взял из сумки пакет с нижней одеждой и отправился мыться.

– Галя, сумку разбери: что съедобное – все на стол. Пойдем вместе мыться – спинку потрешь!

– Непривычны мы чужим мужикам в бане спинки тереть. Это у вас там, в городе, может, и ходят девки в бани с кем попало, – сказала, улыбнувшись. – Я после тебя помоюсь, пар немного схлынет, – сказала уже после некоторого молчания вполне серьезно.

В баньку по-черному, с большим чугунным котлом, вделанным в сложенную из больших диких камней печь, каменку, раскаленных чуть не до красна, Георгий мечтал попасть очень давно. Он не спеша распарил в тазу веник – сначала в горячей воде, потом в кипятке, обтерся им, снова подержал в кипятке, ковшом плеснул кипятком на раскаленные камни и присел, оберегаясь от горячего пара, взметнувшегося к потолку. Ополоснул из ковшика полок, лег на спину и во весь рост растянулся на горячих досках. Это было блаженство! Он хлестал горячим веником поднятые сверху ноги, разглаживал веником грудь, живот и до жжения бил себя мягкими березовыми листочками, потом, сев, хлестал без всякой жалости свою спину. Выйдя на крыльцо бани с ведром холодной воды, опрокинул его на себя. Принес второе и еще раз ожег себя колодезной водицей. И снова банное блаженство.

Пришел Георгий в себя только тогда, когда увидел, что холодной воды в баке осталась одна треть. Отдышавшись в предбаннике, в трусах, с полотенцем на плечах, вошел в избу.

– Там холодной воды в баке – одна треть. Где колодец? Давай нанюшу.

– Мне хватит. Как банька?

– Это было божественно, рыжая!

– Ну и ладно. Пойду тоже ополоснусь. – И Галя, увернувшись от объятий, выскочила из избы.

Георгий достал из сумки голубую рубашку-распашонку, пуговицы застегнул не все – чтобы грудь дышала, натянул легкие трикотажные штаны, сунул ноги в валенки и причесался.

Стол был покрыт льняной скатертью, и на нем на деревянной подставке стояла сковорода с яичницей-селянкой, как ее называли в деревне: в сбитые яички вливалось молоко, посыпалось сверху мелко порезанным зеленым луком и запеклось в горячей печи. С коричневой поджаристой корочкой сверху, блюдо выглядело очень аппетитно. Здесь же была тарелка с нарезанным соленым салом и колбасой, чашка с отварными картофелинами, бутылка рябины на коньяке, две рюмки, два стакана и кувшин квасу. На тарелке лежали ломти деревенского, нарезанного от каравая хлеба. Георгий не удержался – налил стакан холодного квасу, сел на лавку и стал пить его маленькими глоточками, растягивая блаженство.

В избу вошла Галя в ситцевом халате и калошах на босу ногу, прошла за занавеску и вскоре вышла в тонкой белой кофточке и серенькой, ниже колен, расклешенной юбке. На ногах были шерстяные носки и тапочки. Волосы были схвачены сзади резинкой.

– Горло застудишь, квас-то холодный, из подполья.

– Нет, солнышко, не застужу. Садись за стол, заждался я тебя.

Георгий налил в рюмки привезенную им настойку, поднял свою рюмку, Галя тоже.

– За что пить будем?

– Как за что? За будущих сыночков: рослых, сильных, крепких, как белые грибочки. Таких, каких ты мне обещала, приглашая свататься.

– Намолола я тебе тогда чо попало. Меня Вера после уж ругала, ругала, – сказала Галя, опустив голову.

– Нет, Галенька, ты сказала то, что надо было. Не те бы слова, может, и не было бы меня сейчас здесь.

Выпили. Поели. Еще выпили.

– Хочешь песню спою?

«...Обязательно, обязательно я найду жену на вкус,

Обязательно, обязательно я на рыженькой женюсь.

Чтоб была она симпатичная, и чуть-чуть курносый нос,

Обязательно, обязательно, чтобы рыжий цвет волос.

Рыжая, рыжая, ты, наверно, всех милей

Рыжая, рыжая, не своди с ума парней.

Все блондиночки и брюнеточки хороши, когда юны,

А когда они состарятся – даже черту не нужны»...

– Когда я услышал эту песню, о рыжей только и мечтал. А тут тебя в деревне встретил: и волосы рыжие, и носик курносый, и все-все при тебе! Ночей не спал перед отъездом!

– Не болтай! Ночей он не спал. Люба – мог бы и раньше наведаться.

Пужинав, Галя начала убирать со стола, мыть посуду.

– Иди, отдохни: с дорожки да после баньки. – Галя отодвинула занавеску и указала на разобранную постель.

Георгий ушел. Галя домыла посуду, вытерла стол. Из сундука, стоящего в углу, достала домотканую рубашку из тонкого льна, материн подарок на свадьбу, надела ее на голое тело, прошла и остановилась у занавески.

– Галя, ты придешь ко мне? – спросил Георгий.

Галя подошла к кровати:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.